

Новоюродный фельетон

Ю. Мокковский
Рис. Т. Кирсановой

Под Новый год, вопросов многож
Завалил зал опромный наш
Весь, театральны персонаж.
Собрались было необычные:
Сидели в образах сценных
Шуты, монахи и лажи
В афишах, в гриме типаж.
Клеветы, божье, черты, ханы,
Босды, глоссы, величания
Осыла в шонк, парчу и газ —
Все было здесь на этот раз.
Вот в. бже, у портьеры синей
Сел Тонелый в «шляпове»
Хвост с Кармен, «Лизка» с отцом,
И. Ганка забыл Адам,
Альфред, во-волному одетый,
Волчок с печальной Виолеттой,
Смеялся Солоху хитрый Бес,
Андрюша Радамес;
Графья Овсяны на дма стула
Присел, ясенный Вакула,
Скобел с Русланом и Людмилой,
Князь Иванушке Конек.
Солдаты Живель, к толпе выис;
Портьеры флюсовые прикриты,
Шепталась Фауст с Маргаритой,
И, обходя люжетом зал,
Отец Пелеский молчал.
— Смотри, Хованский, что
Встрелка с усмешкою
Садись к Мамарой! — Слос
Нет, кжне, я не скоморох!
Ити, блестящие соборные
Приказка к порядку и вниманию,
Как будто начинал бал,
Месье Онегии открывал.
По пальцу ступиле кмертоном,
Он изчал мяжым баритонем,
Набрал пыжине и ве адрут
На джиферну стал зяус:
— Друзья мои, все — черти ада
Кудыжана, боги и князья!
Ибрайт президиум бы нело,
И вот кого заметил я:
Иван Сусанин с Голуновым,
Князь Игорь, Ленский
А Мефистофель здесь нет!
Тогда кого-нибудь другого.
И закричали все кругом:
— Селю Тараса пелюки!
Месье Онегии, малый светский,
Был, как и все, артист
И встрепнул он: с «Родных
К тем приближались Андрей!
Нда пелюно благодарной
Сейчас он трудится ударно,
Айдар, Тарас пужны для нас,
Айдар лет, но будет, да-с!
Князь Андрей все подражал
Кто «аа»? Ну, вот, единогласно,

И предложение мое:
Секретарю месье Гильо!
— Что ж, начинать? Наивен,
Онегии сам себе сказал.
Потом, окинув взором зал,
Шепнул Гильо: — Мой честный
Не подири меня, как астер,
И будь испрошный секретарь!
Онегии сел перед собранием.
С многозначительным
Через лордет направил взор
На Танию Ларину у упор.
Она потупилась, краснея,
Но голос отозвался:
Помог забыть смутные ей,
Степенно начал Досифей:
— Я вот что высказал без страха,
Претит мне поприще монаха,
Но и в «Мазелу» к Паладу
Я возвращаюсь не зжну.
— Нет, я послушаю людей!
Я также спол бы дон Вайслю! —
Он ужаснулся: — Клеветал!!
Какая ярия, мечтал!
— Вы, Досифей, свое пропелит!
Позвольте айступит Живель!
От фел, ялисс и лебедей!
— Нет, я послушаю людей!
Она бужинла без спора!
Шепнула Солушке Арора:
И пусть молчат не мелег аздор!
Отрезал сухо Командор:
Запел про оперу магерно
Какой-то град высомомерный,
Он хвост рутил, на всег аорял.
Но сам покорственно зжучал!
Потом Акнерис и Алда
Свои поверили обиды,
Затем от курдов Иманло
О «Ганне» заговорил:
— Друзья, у этого балета
Хорошая линия сюжета,
Потому надо глубоко
Над Неназистим, над Гико.
— Мы любим! Прояжжимо
Айша с Арменом заявили,
Карен поддвинули с Нуно.
Все так! — соизнался Ганья.
Скупили трудился и моты и день.
Но тут Данила и Гаврилы,
Которых публика забыла,
Тригтон, Конек, Дурак и Рак
С галерки закричали так:
Что стало страшно Дон-Кихоту:
— Скорее дайте нам работу!
Скупили блудили и моты и день.
Воль, даже дети знают, как
Мы честно публике служили,
Не с тем и жить сторожники,
Чтоб воле русского Котика
Спинжух от сцены на вка!
«Мужик-то русский» теши
Смежжну Евгений и Параша,

Но в это время гром и вой
Промчал у всех над головой:
С галерки Чорт прыгнул
— без страха
На аюстру — Шанку Мономикю.
Как ладники, алемелы зжрустали,
— Меня забыли вы, а жаль!
Спеть «Рождество» совсем
А то состарился Солох,
И Дьяк, и Чуб, и Толова...
— Правдисти, Чорт, твои
Пропел Пешок, подмыв галушку.
И все взглянули на аерухику,
Глязз мелжа поднялся Дьяк:
— Об, люди, сакто! Это так!
О дайте, дайте мне свободу!
Я докажу всему народу,
Что зря «Князь Игорь» не идет,
Не я ль, Сусанин, патриот?
— Ты прав, мы сами, брат,
с усам!
Махнул рукой Иван Сусанин
И закричал: — Проще он, арав!
Балетный Дьявол, Князь и Граф,
Кочкал, прятал полковский,
Чихнул и крикнул молочески:
— Люблю, ты смея, я сам так!
И я! — одолжился
Ведь нам подобных миллионы,
Пускай тут есть чери, бароны,
Мы все а борьбе за реалним,
За труд, за мир, за коммунизм!
— Кармен, скажи про наше
дело!
Шепнула тихо Мишель,
Но через зал Альфред Жерсон
Пропел Онегия, чтоб он
Уйти позволил Виолетте,
Учась в университет,
Она эстетикю слелет.
Иронич и поет!
И тут, с стороны портьера,
Из локни, словно хавтер,
Кармен запыла про «Кармен»,
Про недостатки многих опер.
Она клылась Тореадором:
— Клянусь, я пола режиссеру:
«Меня не любишь ты, так что ж,
Слепалась должен быть хораш!»
— Месье Онегии дайте слово!
Просил пастыбином фязер,
В искусстве алдешный мумир,
Коснуся вопроса я другого!
— Пусть я фанатик, жадный
анает,
Что труд меня не мопугает,
Но искусство людей
Рождает зя в гряди моей.
Встрепельсь а мелоча обиды,
Подчас не подаяня вида,
Когда какой-нибудь «барон»
Не отвечает на поклон.
Бывает все на этом свете.
«Варшавка» должна быть хораш!
Есть также а очере у нас!
— Степенно вымолвила Тарас:
— Какое чувствую волнение
Перед каждым выступлением.
Душа полна нежных сил —
Фальдетом Фауст говорил:
— Где светлый ангел обитает,
Там часто зло и муча пугает.
Здесь Демон помещал ему,

Как Синодату своему:
— Клянусь я правым днем
творения.
Клянусь его последним днем,
И не естовый выступления.
Но расскажу вам вот о чем:
Я враг небес, я зло природы,
Да, есть в семье у нас уроды,
Завяжались, все дано таким,
Шутки ж ворчат, все мало им!
Осылав Демона, Тамара
Портихила а ложе бедура,
Где о народниках читал,
Готовак к лекции, Гудал.
— Меня ты слышишь, дочь
Гудала?
Я тот, которому вымала
Ты а полуочной тишине!
Что ты коменш? Свое же мис.
Дитя, капризничать безтактно,
Здесь а сфере ангелов
абстрактной
Мне жизнь такая не дана,
Хоть я — всецельный сатана!
Земная жизнь твоя реалня,
И в а нужде материальна.
В достатке, а радости жжельств,
У нас, на радио поешь,
Имешь все — «москван»,
Ну чем ты не паридя мира?
А ты а неведзельные края
премещались, грешница моя,
Как ласковый сын эфире.
Не все хлалест а неба анезды,
И на земле не тесел воздух.
Не зря пою я, не шутя,
Смыврсь, капризные дитя!
Тут Мефистофель возмущился
(Он на галерке появился)
И слел, форсирова свой бас:
— Я, право, думаю, что нас
Отдать бы а школу не мешало.
Вас всех — выножиско скандала!
А мне картина тут ясна:
Здесь правит бал свой сатана!
— Эй, Чорт, а что вы не умете
Безумцев, яющихся на работе?
— Вини! Вини! — узнаю я,
Кто лян, кто счастлив здесь,
— Послушай, Германи! — дурувал
— Кто там? Лиза?
Но, милый друг, я не подлиз.
Я трев, и неса голова,
А ты, мой анел, не права.
Прости небесное создание,
Но предделатель соборны
Дню я клычу, что игру
Раскрасю все, ниль я умру!
Я раздал а плачу варты
Свои заветные три карты,
Пусть гром и молния! Слына —
Мне зя буре не страшил!
Под шум был Гремия анант
с ором
С врагом быков — Тореадором.
Сухой и строгий Керданаал
Зяпык Саррино пилса.
В одной из лож пресекратки
Чинили равные дератки,
Сойдя а тапнестину сень
На долгосрочный билетель.
Меж тем внизу стрелал
Зареский,
Метался в бешенстве Елешкий.
Стараясь все пережирять:
— Я должен, должен вы
связать!
Собрание дико буживалось,
В припадке Ларина лежала,
Но из князья и из друзей
Никто не шел на помощь ей.
«Пустик, у Лариной на блде
Мы эти фокусы видели.
Одно и то же каждый раз,
Дурчя, гондубанка, не нас!»

Она шептала: «А бывало
И я, ты поминишь ли, пелала
Стихов чувствительных тетрадь».
Но это не хотела зяеть.
Кругом стоял «аки, екин»,
Кидали туфля скоморохи,
Монаху Дьявол апили а лик,
Приплюснул нос, сорвал парик.
Ня зло Ромео и Джульетте
Монтекии дрались с Капулетти.
Бросали шпаты сержу анис
Тибальды, Ромео и Парис.
Дубровский а востри при этом
Махал строгим пистолетом.
Русалка папу прокляла,
Графиня в кресле умерла;
Безумец Герман достраился,
Но слова слова не добился.
Был проклят Каино пилек
Павли! Ты разве человек?..
Глыво хоть слыл прилжиским
малым,
Его рука не зависала
И трев, Онегии поднял вой:
— Позор! О жалкий жребий
мой..
Один лишь Ленский а усложие
Писал а дневник, ефирну строчил,
Про нежиданки и грехи,
И вылил дельные стихи:
«Куда, куда вы удалялись,
Весны моей златые дни?
И мы у Ларинских сердились,
Но не бесились, как они!
Когда б все знать на самом деле,
К чему стрелялись на дуэли
С Евгением? Сбывал пыл,
Я б поджалмился проучил..
Меж тем, пока душой артиста
Полно «бедях» драматизма,
Большою группой «декабристы»
Со сцены подоспели а зал.
Герои алжисли краской новой,
Митенжой, смело, здорово,
Наш Ленский встал, но точноо
Был не на шутку поражен.
В одной из лож пера собранием.
Хрустелым совете слышем,
Стоял сев Пушкин и держал
В руке сверкающий бокал.
Нет, это не было ошибкой,
Его глаза, его улыбка,
Его свободный гордый ант,
И точной Вот он говорит!
— Кто там галает а алдословит —
Что день трудный наш готовит?
Оставьте сорок, господа,
И асоскитре вот сюда!
Он указал рукой а сцену,
Там пышный занавес мгновенно
Оканжислся, медленно пошел.
Открылись взору все и дол,
Спекмен, кружжжкий сцене сцене,
Зачим соборные теши,
Родная ширь, лужа, поля,
Ну, словом, русская земля.
Пой не молочкою упретной,
Стремись вперед, обняв друг
друга,
Шагла Андрей а Новый год,
И ару а друга другой и паред.
К ним Пушкин а тоштом
алдословенным
На сцену выскочили миллионы,
Сверкнули искорки огней
В небрежной блестящести курдей.
И проинес, плескучи глазами:
— За счастие с похвалю друзьями
За торжество ума и муч
За мирный труд, за наш Сюма!